

Надежда ДЬЯКОВА

г. Санкт-Петербург

1

Ночь. Душно. Не спится. На сердце тревожно. Встала, открыла окно. Порывом ветра занавеску всколыхнуло, цветочный горшок упал с подоконника. Придется фиалку пересаживать. По отливу застучали первые тяжелые капли дождя. Пахнуло прохладой. Потому и душно было — перед дождем.

Окно пришлось закрыть, иначе дождь зальет комнату. Ветер разбушевался. Струи дождя, словно слезы, стекают по стеклу.

Вспомнились слова стихотворения, что писала девочка — табельщица с завода РТО.

Мама тогда работала начальником табельного бюро, а она, та девочка, сразу после школы никуда не поступила и пришла к ним на завод. Вот и поставили вчерашнюю школьницу табельщицей.

Девочка стихи писала. Замечательные стихи...

*Дождь по стеклам стекает лужицей.
Мой хороший, что тебе снится?
А над городом тучи кружатся,
Прикасаясь к твоим ресницам...*

Вот и сейчас над городом тучи кружатся. Дождь стучит в окно, словно путник, просящийся на ночлег. А что же милому-то снится?

Странно. Нет у меня никакого милого. Почти тридцать лет, а милого все нет и нет. Может, не надо ждать принца на белом коне, а спуститься с небес на грешную землю? А то, пока буду витать в облаках, так и состарюсь, как Наина у Пушкина. Или принц помрет, или конь сдохнет...

Интересно, в школе какие-то влюбленности еще были. Потом, уже в институте, обожглась о любовь серьезно. Словно выжгло все изнутри. Один пепел остался. Свет души погас. Воспоминания горькие, как полынь. Перестала я с того времени быть прежней Лю-

Я ТЕБЯ ОБЯЗАТЕЛЬНО НАЙДУ

бочкой-хохотушкой. Тенью от себя прежней стала. А если я тень, то от души и не сбегаю, иначе вообще ничего не останется. Просто не будет меня.

Тяжко что-то на сердце. Тяжело.

Институт окончила. Выучилась на экономиста. Уехала по распределению подальше от всех воспоминаний. Работаю.

Мальчишка-одноклассник вспомнился. Смешной такой. Всё портфель мой таскал. Точнее, сначала за косички таскал, потом — портфель. В старших классах пытался тригонометрию и стереометрию мне объяснить. Так и не въехала с его объяснениями заумными. Странно он как-то эти предметы понимал, словно в объеме видел. А я всё больше в плоскости.

Астрономией он увлекался. Ему созвездия, яркость звезд интересны были. Мне мифы о звездном небе нравились.

Фантазёр... Вспомнилось: как-то идем из школы. День ясный. Солнце светит. А он вдруг говорит: «Любочка, закрой глазки крепко-крепко — так звезды днем увидеть можно».

Посмотрела я на него: вроде нормальный парень, а мысли какие-то странные. Закрывает глаза. Потом один приоткрыла: смотрю, а он крепко зажмурился, аж реснички от напряжения подрагивают. Моська такая блаженная, точно не от мира сего.

После школы разошлись наши пути-дорожки. Он в один институт поступил, я — в другой. В разных городах учились.

Где же ты сейчас, Бубнов? Через столько лет с нежной грустью тебя вспоминаю. Вот что тебе сейчас снится? С твоей фантазией только в цветных снах купаться можно. А может, не спишь, ребенка укачиваешь? Жена рядышком потихоньку сопит. А ты сон и ребенка, и жены охраняешь. Добрый ты был мальчишка, хороший. Почему был? И сейчас есть. Просто ты из мальчишки превратился в прекрасного мужчину, как гадкий утенок — в лебедя. Иначе и быть не может.

Странно. Проснулась среди ночи от духоты, а утонула в воспоминаниях. Разыскать бы его, мальчишку этого. Интересно, какой он сейчас, Константин Дмитриевич Бубнов?

А почему бы и нет? Гришка у меня знакомый есть. В милиции работает. Вроде ко мне неровно дышит. Попробовать всегда можно. Разыщет — спасибо. Нет — к родителям в отпуск поеду, через них попробую поискать.

Интересно. Никогда со мной такого не было. А сейчас, ночью в дождь, вдруг интерес к жизни появился.

Всё, решено! С утра начинаю поиски. А сейчас — спать, спать, спать...

2

День с утра не задался на работе. Надо сказать, работаю я главным бухгалтером в организации со среднесписочной численностью 401 человек. Не маленькая, можно сказать, организация с несколькими видами деятельности.

С утра начальник Валерий Афанасьевич пригласил на небольшое совещание в свой кабинет двух своих замов и меня. Вопросы носили экономический характер. Ведущий экономист у нас с понедельника в отпуске.

Я задала вопрос начальнику:

— Валерий Афанасьевич, вопросы, касающиеся бухгалтерии, разбираться будут?

В ответ прозвучало:

— Вы у нас, Любовь Геннадьевна, по образованию экономист. И на вас хотелось бы возложить ряд обязанностей.

— То есть разницу в окладах будет получать оставшийся экономист, а обязанности вы возложите на меня? Я вас правильно поняла? — спросила я.

— Можете быть свободны, — процедил начальник.

Встала я, взяла документы, вышла из кабинета.

Офис у нас небольшой. Я сижу вместе со своим заместителем Верой Михайловной.

— Совещание так быстро закончилось? — спросила Верочка, оторвавшись от компьютера.

— Для меня оно и не начиналось, — ответила я.

— Любаша, — произнесла Верочка укориз-

3

ненным тоном, — зачем ты его дразнишь? Прекрасно знаешь его отвратный характер и всё равно прёшь напролом.

С Верочкой мы знакомы лет пять, и её тон меня совершенно не смутит.

— Веруня, живы будем — не помрём.

— Люб, — продолжила Вера, — ты же знаешь, пригласил он тебя поработать, пока Ксения в декрете. А попросит он её выйти досрочно? Ты-то другую работу найдешь. А нам с этой мегерой работать!

— Так бы сразу и сказала, что о себе беспокоишься, — рассмеялась я.

— О себе тоже, — буркнула Вера, уткнувшись глазами в компьютер.

Примерно через час к нам в кабинет заглянула секретарь Маришка. Большеглазая красавица, умница. Истинный секретарь — человек на своем месте.

— Любовь Геннадьевна, чем это вы с утра нашего начальника раздраконили? Вышел злой как чёрт, — улыбаясь, спросила она.

— Маришечка, я его сегодня не только с утра, но и до обеда, если поймаю, или попозже еще не так драконить буду.

— Повод есть? — усмехнулась Маришка.

— Марин, — вздохнула я, — ты зарплату вовремя получаешь?

— Так вы ж нам делаете. — У Маринки не заржавеет.

— Да-а, — протянула я, — а рабочие второй месяц без зарплаты. У начальства денежки есть, а вот как там рабочие — это им безразлично. Сколько раз подходила — всё без толку. Каждую пятницу с нашими дебиторами в бане парится... и не только... Слово сказать им боится. Для них хорошим хочет быть. Как же, заказов лишится! Кормушки своей...

— Я этого не слышала, — пропела Маринка, выскальзывая из кабинета.

— Ты поосторожнее в словах-то, — прервала меня Верочка. — Он, наверно, уже и так не рад, что тебя пригласил.

— Не переживай, Верунь, — успокоила я ее. — Бухгалтерия-то у нас в порядке. Сюда он не лезет.

— Ты ему как кость в горле... — ответила Вера.

Перед самым обедом мне всё-таки удалось поговорить с Валерием Афанасьевичем. Успеха моя беседа не имела. А вот после обеда, когда он со своими замами сидел в кабинете...

Надо сказать, что вход в наш кабинет осуществляется из холла, далее следуют приёмная и кабинет начальника. Наши с ним кабинеты разделяет только перегородка. До холла от лестницы — узкий длинный коридор, в который выходят двери всех остальных служб.

В третьем часу в коридоре послышался шум. Дверь нашего кабинета резко распахнулась. Помещение заполнилось возмущенными рабочими. С перекошенными лицами, кипя от злобы, все ринулись ко мне с требованием выдать заработную плату. Хорошо хоть не с кулаками. В кабинете яблоку упасть было негде, в холле и коридоре не протолкнуться. Настоящая демонстрация.

За стенкой-перегородкой сидели три мужика — руководители. Ни один из них даже носа не высунул. Вот что значит «настоящие мужчины»!

Выслушав требования рабочих, я хлопнула кулаком по столу, чтобы призвать их к порядку, и пообещала завтра выплатить деньги, после чего попросила всех удалиться из кабинета.

Когда последний посетитель покинул кабинет, я, закрыв глаза, устало откинулась на спинку кресла. Верочка, взяв ключ, на цыпочках подошла к двери и закрыла ее на два оборота.

Тишина.

Перед моим мысленным взором возник Костик. Я вспомнила, как он, приехав с летних каникул, рассказывал мне про козла Мефодия. Умнейший был козел. В деревне женщины говорили: «Если бы у нас такие мужики были, как Мефодий, всюду был бы порядок». А сейчас я просто видела Костика, слышала его слова: «Ну, козлы они, козлы... Явно не Мефодии».

Никогда даже мысленно не называю мужчин козлами. Но в соседнем кабинете явно сидели не Мефодии, а натуральные...

Часа через два, когда я полностью успокои-

лась, пошла в кабинет начальника. Разговор был коротким: завтра до работы мы с ним встречаемся с нашим основным дебитором.

Семён Александрович приходит на работу рано — все вопросы мы решим. Оператор в банке у нас один, и после двух, то есть после обеда, рабочие смогут получить заработную плату.

4

Вечером мне надо было поймать Гришку. Он всегда поздно своего эрдельтерьера выгуливает. Просто прилипла к окну, чтобы его не пропустить. А вот и он со своим Ричи на прогулку вышел. Бегом вниз.

Гришка расплылся в улыбке:

— Любочка, как я рад вас видеть! Воздухом подышать вышли?

— Да так, — неопределенно пожала плечами я и, словно вспомнив: — Ой, а ты как раз мне нужен... — В глазах Гришки появился интерес. — У подруги жених пропал, а ты в милиции работаешь...

— А ты здесь при чем? У неё жених пропал — пусть она и ищет, — ответил он.

— Ладно. Позвонит, так ей и скажу, — упавшим голосом произнесла я.

Увидев, что я расстроилась, Гришка сказал:

— Любочка, не принимайте всё так близко к сердцу. Чем я вам могу помочь?

— Вот его данные, — я достала из кармана бумажку.

Гришка, положив бумажку в карман, нежно взял меня под локоток, спросил:

— На кофе пригласите?

— У меня беспорядок, — смутилась я. — Потом как-нибудь. А до лифта я вас сейчас могу проводить.

Григорий свистом подозвал Ричи, и мы пошли к дому.

5

Утром встала рано. Почти за полтора часа до начала работы вышла из дома.

Семён Александрович — ранняя пташка, за час как минимум на работу приходит. Наш-то, пока с утра все службы, объекты не объедет, в конторе не появляется. Интересно, сегодня он к Александрычу явится или нет? Не захочет он с ним ругаться, это точно. А рабочие без денег сидят. Но зарплату-то им пообещала я, а не он. Чувствую, что не придет, но в глубине души, на самом её дне, всё-таки теплится надежда: а вдруг будет? Не настолько же он бесхребетный? За ним люди стоят. Должен же он о них думать? И как начальник вроде хорош, неплохой руководитель. Но что касается общения с необходимыми людьми, словно язык куда засунет. Не хочет быть для них плохим. Вроде, с одной стороны, мужик, с другой — хуже тряпки половой. Вот с такими мыслями я шла к Александрычу.

Пришла. Рановато ещё. Нашего Валерочки нет. Секретарша от компьютера оторвалась. Взглядом оценивающим меня окинула. Незнакомая новая девочка — меня не знает. С Сенеи-то я давно по работе знакома. Попросила новенькую, чтобы доложила обо мне. Примет он меня или нет?

Та носик скривила:

— Рабочий день ещё не начался.

— Девушка, а вы всё-таки доложите. Иначе я сама к нему без доклада войду, — спокойно сказала я.

Ещё раз она окинула меня теперь уже изучающим взглядом, пошла в кабинет. Вышла, дверь оставив приоткрытой:

— Я же сказала: не принимает он.

Нет так нет. Будем ждать. Меня отсюда теперь и танком не выбьешь. Сидеть буду до последнего. Мимо меня не проскочит. В туалет по надобности пойдёт, а тут я. Поудобнее я на стуле уселась, на часы глянула. На сколько у Сени терпения хватит? Валерочки нет. Интересно, что он придумает в своё оправдание? Фантазия у него богатая. Ладно. Посмотрим, послушаем.

Десять минут прошло. В кабинете тишина. Говорят, женщины любопытные. Мужчины ещё похлеще бывают. Хоть любопытства у них занимай.

Пятнадцать минут. Двадцать... Слышу, на

цыпочках к двери подходит, нос высунул, в глазах удивление:

– Любовь Геннадьевна, вы?

Улыбнулась:

– Я.

– Что ж вы сидите? Проходите.

Прошла, победно глянув на секретаршу. Села.

– Слушаю вас...

– Да я, собственно, за деньгами пришла...

– Это несерьёзно. Ты же знаешь: денег нет.

– У нас рабочие без зарплаты сидят...

– Ещё посидят. Ничего страшного...

– Вчера ко мне за деньгами приходили, – продолжаю, словно не слыша его. – Сегодня к вам придут. С детишками, с прессой, с телевидением. Я просто ставлю вас в известность. Вам решать, – глянула на часы. – Ой, заболталась я с вами! На работу опаздываю.

Встала, пошла к двери.

Вдогонку мне:

– Это серьёзно насчёт телевидения?

– Серьёзнее не бывает, – обернулась я.

Канторы наши рядом находятся – в районе пятисот метров. Пришла к нам, ещё в коридоре услышала, как разрывается телефон.

– Любочка, здравствуй. Это Ира. – Голос Ирины Витальевны, главбуха Семёна Александровича. – Сколько тебе денег на зарплату нужно?

В ответ я озвучила сумму.

– Скажи своим, чтобы все платёжки с чеком в банк несли, – продолжила Ира. – Будут вам сегодня деньги.

– Спасибо, дорогая, – промурлыкала я.

Верочка только зашла в кабинет и...

– Быстро к Валентине! – скомандовала я. – Живо в банк. Получат работяги сегодня зарплату!

– Ой... Уже бегу... – Верочка испарилась.

В кабинет заглянул Валерий Афанасьевич:

– Доброе утро. Вы уже здесь? Не получилось у меня сегодня с Семёном Александровичем встретиться. Пробки, понимаете...

– Ну, что вы... – говорю я. – Бывает... Я сама у него на приёме была...

– Как? – сразу изменился в лице Валерий.

– Всё хорошо, – успокоила его. – Будут у нас сегодня деньги...

Валерия Афанасьевича словно вихрем выдуло из кабинета.

– А чего Валера как ненормальный выскочил? Что у вас опять было? – заходя в кабинет, спросила Вера.

– Все нормально. Все хорошо, – улыбнулась я. Зарплату рабочие получили. Отлично.

6

На следующий день Валерий Афанасьевич был настолько зол! Злее не бывает. Даже к кабинету страшно было приближаться. Впечатление – дверь огнём полыхает.

Маришка, как мышка, тихонечко сидит. Ни разговоров, ни смеха – тишина.

После обеда примчалась Ксения:

– Я у вас плащик оставлю? Валерий Афанасьевич вызвал.

– Вот и бедствия с последствиями, – только закрылась за ней дверь, мрачно сказала Верочка. – Для чего, ты думаешь, Афанасьич её вызвал? На работу вместо тебя сватать будет.

– Не торопи события, Вера, – сказала я.

На душе паршиво. Никакой вины за собой я не чувствовала. Держать рабочих без денег хуже свинства. Афанасьич бы не раскачался. Не тот человек. У самого деньги есть – и ладно. До остальных как до лампочки. Хотя как-то похвастался: «У нас работников почти четверста человек. Я каждого поименно знаю. С каждым за руку поздороваться могу».

По мне, хоть за ногу здоровайся, но интересы рабочих отстаивай.

В кабинет по-хозяйски вошла Ксюша:

– На работу предложил выйти. Хоть на полдня. Доплачивать на нянечку пообещал... Сказала: подумаю.

– Так чего думать? Если ребёнок не болеет, выходи, – ответила я. – Документы для передачи подготовлю.

– Какая быстрая! – усмехнулась Ксюша. – Подумаю я ещё. Подумаю...

Она ушла.

У Верки слёзы на глазах:

– Допрыгалась...

Я даже обижаться не стала, понимаю: ей тя-

жело. С такой стервой, как Ксюша, работать — не позавидуешь.

К вечеру и на следующий день начались звонки. Звонки от начальников, которые меня знали:

- Он что, с ума сошел?..
- Ненормальный, что творит...
- Не переживай. Всё уладим...

7

В понедельник часов в одиннадцать к нам в кабинет зашел зам Сергей Петрович. Глянул выразительно на Верочку. Та сразу поняла.

— Пойду к девчатам, там службы авансовые отчеты принесли, посмотрю, — выходя из кабинета, сказала Вера.

Петрович прошёл, сел на её стул, уставился на меня.

С Сергеем Петровичем мы давние знакомые. Ещё в СиРКе вместе работали. Там практически все были одной семьей — отношения доверительные. Посмотрела я на него, подумала: не зря наши женщины говорят, что у нас начальники — очень красивые мужчины. Петрович с Афанасьевичем — рослые, спортивные, кареглазые. Виктор Николаевич, другой зам, по сравнению с ними стройняшка голубоглазая. Но мужчины действительно красивые.

— Ты не обижайся, что тогда не вышел, — попросил Петрович. — Сама понимаешь... Мне ещё работать здесь. Работа постоянная. Ларка моя не работает, с малым сидит. Скоро второй будет.

— Поздравляю. Кого ждёте? — с улыбкой спросила я.

— Пацан есть. Хотелось бы девочку... Но кого Бог даст, — помолчал, продолжил: — У меня есть ещё две фирмочки. С них тоже навар капает. Но постоянное — это всё-таки надежнее, — и дальше без перехода: — Ты откуда Сидоренкова, Казачкова, Захарчука знаешь?

— Да та-ак, — протянула я, — по работе пересекались.

— Они в пятницу в бане так на нашего Валеру напали... — откровенничал Петрович.

— Что, и про девочек забыли? — усмехнулась я.

— Каких девочек? — не понял он.

— Банных. С которыми вы по пятницам паритесь, — с подковыркой сказала я.

— Отстань. Это просто обязательный атрибут, не более, — поморщился Петрович. — Так они о тебе высокого мнения...

— А чем я плоха?

— Характером своим, — и дальше Петрович пояснил: — Стародевичьим.

— А что, слова для них выбирать надо? — обиделась я.

— Действительно... Лучше бы у тебя кто-нибудь был. Всё помягче была бы. — На этих его словах я поджала губы. — Одиночество есть одиночество...

— Я им не страдаю, — уже зло выпалила я.

— Всё. Данный вопрос закрыли, — резко объявил Петрович. — Никакая Ксюша сюда не приходит. Оставляет он тебя. Работай спокойно. Веру успокой, а то вся в слезах-соплях ходит...

— Премного благодарна... — ответила я с сарказмом.

— Не юродствуй. Вопрос действительно серьёзный, — Петрович старался говорить твёрдо. — Мы двух заказов лишились. Сеня подсутился. А это — деньги... Сама знаешь, большие деньги... Что ты ему хоть сказала? Он всё пыхтел: «Меня телевидением пугать...» Было что про телевидение?

— Было, — вздохнула я.

— Чисто женский подход...

— Так от вас, мужиков, не дождёшься...

— И ждать, и просить уметь надо... — пытался поучать Петрович.

— Иди отсюда, а! — я смерила его взглядом.

— А то что? — пытался петушиться он.

— Иди с богом, прошу... — с нажимом повторила я.

Усмехнувшись, Петрович вышел.

Я задумалась. Мы все: и Петрович, и я, и Костик, — примерно одного возраста. Петрович женат. Второй ребёнок у него будет. А как же Костик? Женщины обычно таких мужчин не пропускают. Скорее всего, Костик женат. И дети, наверно, есть. Но я же не собираюсь его от жены и детей уводить. Я только хочу

найти, убедиться, что у него всё хорошо. И только. Сама же ему на третьем курсе написала, что люблю другого. Переписка была окончена. Он пытался ещё мне писать. Я в облаках витала, вся в любви была, на письма его не отвечала. Он перестал писать. Потом, после института, бывая в отпуске, несколько раз заходил к нам, спрашивал обо мне. Мама по моей просьбе сказала, что я с мужем уехала на Камчатку, счастлива, у меня двое детей. От себя она добавила (это она мне потом сказала): «Не ищи её. Не хочет она этого. Счастья её не разрушай».

8

Я шла домой. Смотрю, на улице бабулька клубнику продаёт в маленьких корзиночках. Такая красивая, аппетитная, ягодка к ягодке. Не удержалась — купила. Рядом другая сидела, капустой квашеной торговала. У первой клубника влёт идет, а эта сидит молчаливо — печальная со своими пакетиками. Клубнику-то я купила, а капуста мне не нужна. Но, глядя на эту загрустившую бабульку, спросила:

— Почём?

— Тебе какая, милая, нужна и зачем? Просто покушать — салатная. Я сахарку туда добавляю. На щи — кислая.

— Давайте, — говорю, — салатную. Просто поесть.

Иду и думаю: «Клубника — хорошо. Я ещё в этом году клубники не ела. А капуста мне зачем? Хоть она и салатная, но... клубника с капустой — оригинально».

Домой пришла. Клубнику на столе оставила. Капусту в холодильник сунула. Тоскливо что-то. Костика постоянно вспоминаю. К чему бы это? Мама бы сказала: к перемене погоды. Шутит она так. Полтора месяца осталось. Полугодие закрою, налоговой сдамся — и в отпуск.

Устала я с Валерием Афанасьевичем работать. Сложный он человек. Вроде и улыбается, а впечатление такое, словно камень за пазухой держит. Хорошо, хоть через Сергея Петровича

общаемся. Серёжа тоже старается лишний раз ко мне не подходить — знает, с Афанасьевичем объясняться придётся. Хорошо, девчонки нормальные — за бухгалтерию я спокойна.

Где ты, Костик? Как ты? Что с тобой?

Только узнаю, как он, — и всё. В чужую жизнь лезть не буду. Сама его когда-то отшила. В другую любовь поверила. А на деле всё обманом оказалось. Хотя как сказать. Одиноких у нас в конторе моего возраста почти нет. Все или женаты, или замужем. Детки у всех есть. У Верочки старшенькой дочке двенадцать лет, младшему — шесть, на будущий год в школу пойдёт. У Петровича в августе второй появится. У Афанасьича семнадцать лет парню. Только я одна. Может, ребёнка родить? Кто кормить будет? Одной мне его не потянуть. К родителям уехать? Те только рады будут, если рожу. Вопрос: от кого рожать? Чувства хоть какие-то к человеку должны быть. Проблема. Гришка? Так он мне и даром не нужен. Ой, надо сегодня с ним побеседовать. Узнал он чего-нибудь насчёт Костика или нет? Гришка ведь на подъём такой тяжёлый. Он, если его не подтолкнуть, делать ничего не будет. С места просто так не сдвинется, точно как осёл. Опять напрашиваться на кофе будет. Я его сто лет бы не видела, если бы не эта необходимость. А может, плюнуть на этого Гришку?.. В отпуск поеду — всё о Костике сама узнаю. Родители его в нашем городе живут. Схожу к ним, узнаю. Бог с ней, с гордостью. Не могу я больше в безызначности быть. Душа совсем не на месте. Что делать? Как действовать? Нет, всё же первым делом сегодня надо с Гришкой поговорить. Если он ничего не предпринимал, то и просить больше не буду. А если что-то выяснил?.. Ладно. Разберусь. Часам к одиннадцати он с Ричи гулять выходит. Сейчас клубнички поем, попозже пойду в сквере с книжкой посижу, чтобы Григория в окно не выглядывать.

Клубника была ароматная, крупная, душистая. Вкус изумительный. Может, просто давно не ела? Сейчас она пойдёт — так отъемся, и всё. Но эта первая клубника просто восхитительна. Хорошо, что я её купила.

Замечательно на лавочке в скверике. Солнце к закату клонится, проблескивает сквозь листья деревьев. Не жарко. Ребятишки в песочнице до самой ночи играют, на качелях качаются.

Положила книжку на колени — не читается. Глаза закрыла. Лицо под мелькающие солнечные блики подставила. На меня нахлынули воспоминания.словно волна с головой накрыла.

...После выпускного Костик пришёл ко мне и предложил провести целый день в городском парке, на всех аттракционах побывать. Я тогда посмеялась:

— А денег у тебя хватит?

Он так серьёзно ответил:

— Я копилку разбил, так что и на мороженое с лимонадом наберётся.

Как тогда здорово было! Мы с ним и на качелях-лодочках качались, улетаая в самое небо. До одури крутились на карусели. А аттракцион «Морская качка»!.. Вроде детская забава, а на всю жизнь запомнилась. Сначала лёгкое-лёгкое покачивание. Смешно. Потом тебя уже самого начинает покачивать. Главное, с площадки, как с карусели, никуда не уйдёшь. Мне поплохело. Мороженое с лимонадом попросились наружу. Смотрю, Костик зелёный сидит. Как до конца аттракциона живы остались, не знаю. Выйдя с площадки, оба сразу плюхнулись на траву. Я еле в себя пришла. Костик же просто сидел рядом, покусывая травинку, и, глядя меня по голове, ласково говорил:

— Нет. В море тебе нельзя. От качки помрёшь. А ты мне живая нужна.

Потом предложил покататься по озеру на лодке. Предлагала на катамаране — отстоял лодку. Он — на веслах. Красота. Тишина. Ивы ветви в воде полощут. Зеркальная гладь озера, вода чистая, прозрачная — дно видно. Водоросли слегка колышутся. Стайки мальков мелькают...

— Помнишь, как я тебя первый раз поцеловал? — спросил Костик.

Посмотрела я на него, улыбнулась:

— Это когда ты мне контрольную по геометрии списать не дал?

Усмехнулся, кивнул.

Я тогда совсем к контрольной не готовилась. Костик есть — даст списать. Перед контрольной предложил вместе позаниматься — сама отказалась. Вот и решил он меня наказать. Середина четверти — оценку успею исправить. Зато сама заниматься буду, а не на нём выезжать.

Ничего, естественно, я не решила. Сдала тетрадь с каракулями перечёркнутыми, и всё. После урока Костик ко мне подошёл. Я злая как собака, ручкой поршневой от него отмахнулась, и... по его белой рубашке поползли синие пятна... Испугалась. Чужую вещь испортила. Ох и достанется же мне! Пока оторопевший Костик рассматривал испорченную рубашку, я выбежала из класса. Спряталась за дверь у лестницы. Думала, попадёт мне от Костика. А он нашёл меня. Дверь слегка приоткрыл, осмотрелся — никого нет. Я аж глаза зажмурила: точно треснет. А он взял меня за плечи, слегка притянул к себе, нежно поцеловал в щеку и испарился. В класс я пришла только после звонка. Костик сидел за партой, на нём был пиджак — следы преступления скрыты.

— Так что, помнишь, как я тебя в первый раз поцеловал? — опять сказал Костик. — Повторить не хочешь?

— Да ну тебя... — перегнувшись через борт лодки, я зачерпнула воды и плеснула в него.

— Хорошо хоть не чернилами, — рассмеялся Костик.

А потом он уговорил меня прокатиться на «Колесе обозрения». Огромно-громадное «чёртово колесо», возвышающееся над парком, всегда внушало мне опасения. Я чудовищно боюсь высоты. Помню, ещё летом перед четвёртым классом на спор влезла на дерево. Потом ребятишки часа два меня оттуда снимали. Сам Костик по деревьям лазает как кошка. Мне захотелось доказать ему, что я тоже не лыком шита. Вот и «доказала». Влезть-то я влезла. А потом, как глянула на землю, страшно стало. Вцепилась в ветку и ни туда ни сюда... Костик дважды ко мне забирался на де-

рево. Сначала хотел меня конфеткой пониже подманить. Ничего не получилось. Но в результате конфету я съела. Потом кусок копчёной колбасы принёс. Но это, видимо, чтобы я просто подкрепилась. Ребятам надоело под деревом стоять. Они ушли. Один Костик остался. Уговорил он меня всё-таки пониже спуститься и прыгнуть к нему в объятия. Шмякнулись мы оба здорово. Он всю руку себе ободрал. Я же его ещё и отругала за то, что по-дурацки спорил, и за то, что плохо ловил.

И вот сейчас мы на «чёртовом колесе». Кабинки хлипкие от ветра качаются. Из ограждений — две металлические палочки. Я вцепилась в ограждения, аж кончики пальцев побелели.

— Не бойся, трусиха, — успокаивал он. — Сейчас я тебя нежно обниму. Ты слегка расслабишь руки. Сама хоть чуть-чуть сбрось напряжение. Иначе красоту не увидишь. Красоту надо принимать с открытой душой, только тогда можно почувствовать всю её прелесть. Боишься — смотри на небо. Оно прекрасно. Воздушные облака словно комья белоснежной ваты. А на горизонте... Вон там, посмотри... Вдалеке набирает силу тёмная грозовая тучка. К вечеру ветер её к нам пригонит, и будет дождь.

Костик обнял меня, я смотрела на небо. Было так здорово, что дух захватывало. А вот на самом верху я бросила взгляд на землю, и мне стало страшно. Не просто страшно, а жутко страшно... Под нами — кроны деревьев, весь город как на ладони, далеко-далеко внизу — земля. Как ненормальная, я вцепилась в Костика, закрыла глаза. От страха даже сердце перестало стучать.

Он ещё крепче обнял меня:

— Не бойся. Я с тобой. Пока я с тобой, ничего не бойся, — нежно поцеловал меня в висок и, не удержавшись, страстно припал к губам.

Это был мой первый настоящий взрослый поцелуй. Поцелуй в небо. Оказавшись на земле, мне было неудобно смотреть Костику в глаза. Хотела по-быстрому распрощаться и слинять домой, но он затащил меня в кафе, где мы с ним вместе выпили шампанского и затем пошли просто гулять по парку.

Когда мы стояли на ажурном мостике через канал, Костик сказал:

— Как бы нас не раскидала судьба, где бы мы с тобой не были, но, приезжая в наш город, мы всегда, — он посмотрел на часы, — в семь часов вечера будем ждать встречи друг с другом у этого мостика, рядом вон с той большой березой.

А ведь, бывая в отпуске у родителей, я очень часто в семь вечера стояла под той берёзой...

10

Белая ночь подкатила. Дети, которые играли в песочнице, разошлись по домам. На своем посту на лавочке осталась лишь я. Самое время появиться Гришке с Ричи.

Наконец оба вывалились на вечернюю прогулку.

Гришка вышел из подъезда и сразу меня заметил. Он отстегнул поводок, чтобы Ричи самостоятельно побегал, а сам подошел ко мне и сел рядом.

— Добрый вечер, Любочка...

Я кивнула в ответ.

— Отдыхаете? — продолжил сосед.

— Вас жду. — Гришка с интересом посмотрел на меня. — Помните, я вас просила...

— Ах, э-это, — протянул Гришка. — Да нет, как-то времени не было заняться...

— Вот и хорошо. Уже не надо... — сказала я.

— Нашла невеста своего жениха? — усмехнулся Гришка.

Я кивнула.

— Хорошо, что вас встретила. Сейчас уже спать домой пойду, — вставая со скамейки, сказала я. — Всего доброго. До свидания.

— До свидания... до свидания, — пробурчал мне вслед Гришка. — Только что ж она женатого мужика женихом называет?

Мне словно камень в спину бросили...

11

Домой пришла сама не своя. Так обидно. Себя жалко ужас как. Костик женат... Женат! Женат! Женат!

14 *Надежда Дьякова*

Что же я хотела? Сама себе говорила: если женат, счастьем его мешать не буду, — просто узнаю, как он, что он, и всё... А сейчас, когда Гришка озвучил то, о чём я боялась думать, на душе такая тяжесть, слёзы в глазах стоят. Может, врёт всё Гришка? Он же сказал, что не узнавал ничего... А может, наоборот, всё узнал, и о том, что Костя мой одноклассник, что дружили мы с ним... Ничего в голове моей не укладывается...

Машинально достала из холодильника квашеную капусту, вывалила в миску, поставила на стол и... не заметила, как всю съела. Настолько была расстроена Гришкиным известием, что внимания ни на что не обращала. Даже как капусту съела, не поняла. Это я неприятности заедаю. А жизнь надо принимать такой, какая она есть. Ну, женат Костя... так это же хорошо... Я, если люблю его, порадоваться за него должна... Только вот что-то не радуется... Печально очень, и плакать хочется. А чего я хотела? Чтобы Костя меня всю жизнь ждал? Он же живой человек, я его так оскорбила, предала его любовь. А сама жду от него верности. Почему в момент совершения ошибок мы не чувствуем фальши, сердце открыто для надежд, а на деле, оказывается, всё мираж, обман, ложь, иллюзия... Сижу, слёзы по щекам текут... Всё равно! Я должна! Обязана! Найти, разыскать Костю! Во всем убедиться сама. И только потом отпустить... Постараться вычеркнуть из сердца. Но прежде я его найду. Обязательно найду! Чего бы мне это не стоило!

Ночью мне приснился Костик. Мы сидим с ним на скамейке, смотрим в глаза друг другу. Его глаза светятся ожиданием, в них вопрос... Какой? Не поняла. Хотела спросить — голоса нет. Смотрю на него и плачу, плачу — никак не остановиться. Проснулась вся в слезах. О чём Костик хотел меня спросить, чего ждал — не знаю... Ничего не знаю и знать не хочу... Увидеть бы его...

12

На работе мне было совсем не до работы — все мысли о Косте.
Вера спросила:

— Ты чего в облаках витаешь? На землю спустишься. Я тебя третий раз спрашиваю — где шестидесятый счёт? На месте его нет. Мне разноску делать надо.

Очнулась я:

— Вчера просматривала его. Наверно, с актами выполненных работ сунула. Посмотри...

13

В пятницу ко мне в кабинет зашёл Петрович. Вера под предлогом проверки кассы вышла в коридор.

Петрович направился к окну, посмотрел на улицу, постучал пальцами по стеклу и только потом спросил:

— Ты в отпуск когда собираешься?

— Баланс к концу дня сдам и все... — равнодушно сказала я.

— Домой к родителям поедешь?

Странно, почему он спрашивает? Никогда не интересовался — и на тебе...

— Не знаю пока... Наверно...

— Я почему спрашиваю... — стал пояснять Петрович. — Если с билетами напряжёнка, у меня знакомые есть... Помогут достать. А дома отдохнёшь. Знакомых встретишь, одноклассников, — усмехнулся, — любовь свою первую...

— При чём здесь любовь? — насупилась я.

— Так у всех в школе первая юношеская любовь была...

— У меня — нет, — уже зло бросила я ему.

— Не было так не было... — пожал плечами Петрович. — Значит, просто с одноклассниками пообщаешься. Детство, школу вспомните...

— Что ты в душу ко мне лезешь? — вскипела я. Никто тебя не звал в воспоминаниях моих копаться.

— Не кипятись, — остановил меня Петрович. — Я же тебе только добра желаю. Хочется, чтобы у тебя всё было хорошо.

— Не нужно мне твоё добро... и одноклассники женатые не нужны... — пробурчала я.

— Почему — женатые? — Петрович посмотрел на меня с интересом.

— Возраст такой. Хорошие все женатые, — вздохнула я.

– Может, твой как раз и не женатый... – усмехнулся Петрович.

– Женатый, ещё как женатый! – перебила я его.

– Кто тебе эту чушь сказал? – поднял бровь он. И тут я совсем психанула:

– Почему сразу чушь! Что ты опять ко мне в душу лезешь? Зачем пришел?

– Насчет билета спросить... – невозмутимо ответил Петрович.

– Спросил? Можешь быть свободен. – Я хотела поскорее прекратить этот разговор.

– Так что, я покупаю тебе билет? – выходя из кабинета, уточнил Петрович.

– Покупай, покупай... – уже вслед вымученно бросила я.

Почему он проявляет такую заботу обо мне? Что случилось? Своих услуг Петрович мне никогда не предлагал, а тут... Об одноклассниках спрашивал... Первую любовь зачем-то приплел... Неспроста... Ох, неспроста... Что-то мнительной я очень стала. В церковь, что ли, сходить? Всё на душе легче будет...

В обед взяла у Веры шарфик, из которого она оригинальный бант для украшения платья делает, – его можно накинуть на голову. Пошла в церковь.

Богослужение закончилось. Тихо, спокойно, умиротворенно, полумрак, народа почти нет. Купила свечки, а куда, каким святым ставить – не знаю. Хорошо, бабулька прислуживающая подсказала:

– О здравии к любой иконе поставить и помолиться можешь. За упокой – к распятию.

У иконы Богородицы с младенцем стою, свечку ставлю, а сама плачу...

– Будут у тебя детки. От милого будут. Не плачь ты так...

Я как услышала, просто обомлела. Старушонка сухонькая в платочке светлом рядом стоит...

– Ну, что ж ты, ставь свечку-то. Да не отходи, молитву почитай, пока она горит. На огонь посмотри, какой он, как молитву твою ввысь понесёт...

– Не знаю я никаких молитв, бабушка, – только и смогла вымолвить я.

– А ты просто от души помолись – попроси,

чего хочешь. Своими словами попроси. Главное, от души...

Смотрю на огонь. Он трепещет, словно ввысь стремится, искорки лёгкие...

– Господи, Матерь Божья, помоги мне с Костиком встретиться. Все проблемы наши решить помоги... Дай ему здоровья... Пусть всё у него в жизни хорошо будет... Мне самой ничего не надо... Только бы у него всё хорошо было...

Стою, Матерь Божью прошу, на свечку, на огонь смотрю, а на душе всё спокойнее и спокойнее становится, словно услышала меня Богородица, участием прониклась...

Вернулась на работу: как раз к концу обеденного перерыва попала.

Оказалось, Петрович уже купил мне билет.

Баланс сдала. Пятница. Хорошо!..

А вечером еду домой. Быстрее бы.

В мой кабинет опять заглянул Петрович:

– Иди на поезд собирайся. Афанасьич тебя отпустил, – и, словно вспомнив: – Если хочешь чего-либо добиться, никогда не верь сплетням. Завистников много, наплетут с три короба, чтобы счастье чужое разрушить. Им в радость кого-либо грязью облить. Не переносят они чужое счастье. Одним словом, завистники – мелкие мерзкие людишки.

– Мне-то ты зачем это говоришь? – удивилась я.

– Чтобы от цели своей не отступала. Как бы горько и тяжело не было – сделай всё, что считаешь нужным. До конца иди.

– Это что, напутствие в отпуск такое? – едко спросила я.

– Понимай как хочешь, – сказал Петрович, закрывая дверь.

– Что это с ним сегодня? – изумленно промолвила Вера. – Странное пожелание к отпуску.

– Может, он в чём-то и прав, – тихо промолвила я.

14

В родной город приехала рано утром. Радость мамы с отцом была безгранична. Мне же не терпелось сходить к родителям Костика, разузнать всё о нём.

Дождалась середины дня и, словно на крыльях, полетела. Надо хоть что-то узнать о Косте. Пусть для меня это известие будет печальным. Пусть! Главное, я не буду в неведении. Родители его могут быть на работе, но бабушка, соседи по площадке, по дому — кто-нибудь должен же знать!..

Ноги сами донесли до нужного подъезда, вбежала на этаж... А перед дверью квартиры на меня напал страх. Хочу позвонить в звонок и не могу. Сердце из груди выскочить готово. Пальцы не слушаются — на звонок нажать никак не могу. Нервная дрожь как-то началась. Что делать? Почему такое со мной? Не знаю.

Хлопнула дверь подъезда. По лестнице поднимается девочка лет семи-восьми — и к квартире Костика.

— Тётя, — попросила она, — на кнопку нажмите, пожалуйста. Мне не дотянуться. Лера позвать. Выйдет она на площадку или нет?

Меня словно кипятком обварило. В голове звон колокола. Машинально нажимаю на звонок. Жду. Хотя уже догадалась, что Лера — дочь Костика. В этой квартире, кроме детей Кости, детишек быть не должно. Дверь открыла большеглазая светловолосая девочка с двумя косичками:

— Ира, заходи. Сейчас я соберусь, гулять пойдем.

Свет померк у меня в глазах. Я медленно, медленно стала спускаться по лестнице. Всё! Гришка сказал правду! Костя женат! Я не должна! Не имею права вмешиваться в его жизнь! У него ребёнок, жена! Кто я для него? Первая любовь, которая его предала? Так мне и надо! Строила планы наполеоновские. Всё оказалось гораздо проще. Жизнь есть жизнь. Она не стоит на месте. Костя — человек! Мужчина! Мне он ничего не должен, ничем не обязан! Всё правильно. Так и должно быть. Здесь нет никаких сплетен, людской злобы. Я сама видела его дочь! Каждому — своё. Я, словно в тумане, поплелась домой.

Всё! Теперь я знаю всё. Мне надо было приехать домой, чтобы похоронить свою любовь. Теперь я должна быть спокойна. Только спокойствия-то нет.

Вечером мама спросила:

— Что-то ты, доченька, печальная. Случилось что? Может, приболела?

— После дороги себя неважно чувствую. Просквозило, наверно, — уклончиво ответила я.

— Так ляг в своей комнате, полежи, почитай, — искренне жалела меня мама.

Я попыталась изобразить подобие улыбки, взяла книгу, ушла к себе.

Какое там читать! У меня даже мыслей в голове не было. Ни читать, ни думать — ничего не могла. Душа абсолютно пустая. Слез тоже нет. Часам к двум ночи задремала. Слышу голос: «Ты встречу просила, а сама не идешь. Лично поговорить надо. Может, твои выводы неверны...»

Утром я встала с тяжёлой головой, но с твёрдым намерением к семи вечера идти к берёзе. Будь что будет. Костя женат. Но встреча наша может произойти только там. Придёт — объяснимся. Нет — каждый вечер до отъезда буду у берёзы стоять. Только так смогу душу успокоить. Только так смогу его найти. Я обязана его найти! Обязана!

15

Вечером погода не радовала. Накрапывал мелкий дождь. Надела куртку с капюшонном, джинсы, кроссовки, отправилась в парк. Пасмурно. Смеркается. Стою на мостике. От дождя круги на воде. Подошла к берёзе. Всё такая же красивая. Листья от дождя блестят, будто лаком покрыты. Шелест листьев словно шёпот. На часы посмотрела. Восьмой час уже. Нет никого. Одна я. Ничего, часиков до девяти постою. Дождь сильнее пошёл. Не сахарная — не растаю. Облокотилась спиной о берёзу. Никуда отсюда не уйду. Время идёт. Надежда уходит. Подняла голову к темному небу... Губы сами прошептали:

— Костик... Ну, где же ты, Костик?

Глаза прикрыла... и очутилась в чьих-то объятиях. Сердце в пятки ушло. Крепкие объятия. Нежные. Мужские. Глаза открыла... Костик! Боль какая-то из груди словно выплеснулась. Губы задрожали, слёзы ручьём полились.

— Что ты... что ты, не надо... — только и смог сказать Костя и поцелуем припал к моим губам.

От его губ, его близости, его запаха я просто поплыла... Но в голове, словно молния, дочь!

Резко отстранилась, попыталась вырваться:

— Пусти-и, — прошипела, словно змея.

— Что случилось? Что? — он удивленно уставился на меня.

— Твоя дочь... — сказала я.

— Какая дочь? У меня нет никакой дочери!

— Я смотрю в ошеломленные глаза Кости. — Я не женат... Был... Но сейчас не женат. У меня нет детей...

— Костя! Не ври... — вырвалось у меня с болью. — Я видела её. Дочь твою видела...

— Где? — Костик отпустил меня.

Сбивчиво, несвязно я попыталась объяснить:

— Дома у тебя была. Хотела узнать, как ты? Она мне дверь открыла...

— Родители эту квартиру три года как продали... Кто там живёт, не знаю... Я приехал специально ради тебя. Сергей позвонил — я и приехал. Вчера тебя не было... Ты не пришла, — сказал Костик. — Завтра я бы сам к вам пришёл. Сил нет ждать...

— Правда? — сразу обмякла я. — Костик, как же я тебя люблю...

Теперь уже я жарким поцелуем впилась в его губы. Оторвавшись, увидела Костины очумелые глаза.

— Люба, пойдём в беседку, иначе мы насквозь промокнем.

Сели на лавочку в беседке, немного придя в себя от встречи, я спросила:

— Какой Сергей тебе звонил? Ты сказал...

— Ваш — Петрович...

Тут я потеряла дар речи.

— Вспомни... Ты написала мне, что любишь другого... Потом на каникулах ты избегала меня. Я ничего не мог сделать. Не было никакой возможности объясниться, поговорить. После института ты в город не вернулась. Твоя мама сказала, что ты замужем, счастлива, у тебя дети. Я не стал тебя тревожить. И тогда я женился на однокурснице.

— Что, характерами не сошлись? — ревниво поддела я.

— Почему не сошлись? Сошлись, — немного осадил меня Костик. — Прожили почти два года, а родными друг другу так и не стали. Слава богу, детей нет. Развелись по-доброму — через загс. Никаких претензий друг к другу. Дружьями остались. Она замужем. Сынишка есть. По старой памяти, если она в кино или еще куда с мужем идет, может мне сына подкинуть. Хороший мальчишка, смысленный.

Потом, когда родители ещё здесь жили, я в отпуск к ним приезжал. Через знакомых тобой интересовался. Ни мужа, ни детей твоих никто никогда не видел. Ладно, муж, я понимаю... Но дети? Что ж это за мать, которая в отпуск без детей ездит? К деду с бабушкой их никогда не привозит? Сама периодически появляется, но всегда одна... К твоим я больше не пошел. Через твой институт узнал, куда ты получила распределение. В город к вам приехал. Нашёл тебя. Ты ещё в СиРКе работала. Сергей там же работал. Познакомился с ним. Потом тебя из поля зрения уже не выпускал. С Сергеем мы до сих пор общаемся. Он мне позвонил и передал, что ты к родителям едешь. Еще сказал, что тебе наплели, будто я женат...

А здесь я в квартире Ромки Деловери живу. Это тут рядом. Помнишь, в параллельном классе учился? Лохматый такой, вечно с гитарой.

Я неопределенно пожала плечами, Костя продолжил:

— Сам он сейчас за границей. Работает там. Ключи от квартиры у соседки. Цветы она поливает. Она меня знает. Ромка разрешил у него останавливаться.

— Как хорошо, что я тебя нашла, — прошептала я.

— Спорный вопрос, — деловито заметил Костик, совсем как в фильме «Москва слезам не верит». — Я тебя практически никогда из поля зрения не выпускал. Только два года, пока с Диной жили, пытался забыть. Потом понял, что не могу... Судьба ты моя... И нашла ты меня только потому, что сама начала искать. Душами мы с тобой связаны. Ты хоть понимаешь, что мы с тобой десять лет жизни потеряли? Жизнь проходит очень быстро. Десять лет как один день. Наши с тобой дети могли бы

уже в школу ходить. Нам сейчас всё наверстать надо. Как минимум троих!

– А не много? – спросила я.

– Это минимум. Ты хочешь сказать, что не согласна? – Костя заглянул мне в лицо.

– Согласна, согласна, – как китайский болванчик, закачала головой я.

– Жить будем у меня. К себе съездишь только рассчитаться...

– С тобой хоть на край света... – вымученно улыбнувшись, сказала я.

И Костик улыбнулся в ответ:

– Туда почти и поедем. На Диксон.

– Куда? – у меня вытянулась физиономия.

– Куда сама хотела. На край света, – Костя продолжил: – Завтра распишемся в загсе, чтобы, как говорится, придать законность нашим отношениям. Я узнавал: нас регистрируют по-срочному. Или ты свадьбу с белым платьем, фатой хочешь? – он вопросительно посмотрел на меня.

– Фату – нет. Я вообще никакой свадьбы не хочу. Чем скромнее, тем лучше, – ответила я.

– Договорились. Здесь – без свадьбы. А там, на Диксоне, всё равно придётся с друзьями отметить, – сказал он. – Ну, пусть не в белом... Просто в красивом платье будешь и с розочкой белой в волосах.

В этот момент я так боялась потерять Костика, что на всё была согласна. Я его только-только нашла и не могла... не хотела больше терять.

– Сейчас идём к твоим родителям. Объясняем им всё, чтобы не волновались. И – ко мне. Ну, в Ромкину квартиру, – объявил план Костик.

Я опустила глаза. Как-то не совсем я была готова к столь стремительному развитию отношений, хотя понимала: мы уже не дети. Нам по тридцать лет, возможно, большая часть жизни прожита... Наделано много ошибок... Я любила Костика и поняла это, когда искала его. Сейчас от моего решения зависела вся дальнейшая жизнь... моя и Кости.

Он смотрел на меня и терпеливо ждал – понимал, что я сама должна решить этот вопрос.

Я подняла голову, посмотрела Косте в глаза. Как я его люблю!

– Согласна! – выдохнула я.

Костя улыбнулся.

Надежда Викторовна ДЬЯКОВА

родилась в г. Чимкенте Казахской ССР,

живёт в Санкт-Петербурге.

Окончила два техникума.

Выйдя на пенсию,

стала заниматься литературным творчеством.

Печаталась в сборниках,

а также в журналах «Автограф», «Великороссь» и др.

В журнале «Север» публикуется впервые.

